

Часть первая Йешуа и Тора

Глава 3. Йешуа и правила кашрута

То, что Йешуа стремился исполнять Тору, видно также из его отношения к ее пищевым постановлениям. Хотя ни одно из его речений не посвящено целиком толкованию предписаний Торы относительно пищи, об этом можно судить по некоторым его поступкам.

Во-первых, почему важно выделять *мицвот* о кашруте (כשרות) и специально исследовать отношение к ним Йешуа? На протяжении более чем 3000 лет еврейский народ видел в кашруте важнейший признак следования Торе. По этому признаку можно безусловно определить, соблюдал ли Йешуа Тору. В гл. 11 Книги Левит перечисляются те виды наземных животных и обитателей вод, которые разрешено употреблять в пищу еврейскому народу; здесь же перечисляются и те водные и наземные существа, есть которых запрещено. Из этой главы можно узнать, что разрешены в пищу млекопитающие с раздвоенными копытами и жующие жвачку, а также рыба, имеющая чешую и плавники. Других животных, таких, например, как зайцы, свиньи и верблюды, эта глава Торы объявляет нечистыми. Глава завершается следующими словами:

Ибо Я – Господь Бог ваш: освящайтесь и будьте святы, ибо Я свят; ... Вот закон ... чтобы отличать нечистое от чистого, и животных, которых можно есть, от животных, которых есть не должно. (с. 44, 46, 47).

Понятие святости в Торе обозначается еврейским словом:

קדוש

<кадош>, которое используется и в этих стихах. Это слово означает различие между тем, что отделяется для Бога, и тем, что предназначается для иных целей. Посредством *мицвот* о питании Бог отделил еврейский народ от других народов для исполнения особых задач. Законы о питании были частью Божьего призыва к народу Израильскому. Таким образом, резонно ожидать, что Йешуа, как представитель еврейского народа и общины Израиля, будет уважать и соблюдать правила кашрута вместе с прочими *мицвот* Торы. Учение Йешуа, как было показано выше на основе текста Мф. 5:17–18, подтверждает это.

Мы видим, что Йешуа ест только кошерную пищу. Из его проповедей и притч следует, что пища для него – это, прежде всего, зерно, хлеб, фрукты и рыба. Его проповеди и притчи не содержат упоминаний о всем разнообразии

существовавших в его время продуктов питания, но дают некоторые основания догадываться, какие именно из них он считал пригодным для вкушения. Рассмотрим некоторые случаи повнимательнее.

В Мк. 11:12–13 мы читаем о том, как Иешуа проголодался и пошел к смоковнице, чтобы сорвать несколько плодов. Это показывает, что Иешуа считал эти плоды, основную культуру, произрастающую в Израиле первого века, пригодными в пищу. Как растительный плод, этот продукт считается кошерным.

В Лк. 7:36 Иешуа получает приглашение отобедать с фарисеем: «Некто из фарисеев просил Его вкусить с ним пищи; и Он, войдя в дом фарисея, возлег». Хотя это все, что мы находим в тексте, мы вновь можем с большой долей вероятности допустить, что фарисей станет потчевать своего гостя лишь кошерной пищей. Также вполне резонно предположение, что если бы этот фарисей знал, что Иешуа не придерживается правил *кашрута*, то не стал бы приглашать его на обед в своем доме, поскольку строгое соблюдение ритуалов было важной частью жизни всякого фарисея.

В Лк. 22:7–38 рассказывается о том, как Иешуа и его ученики совершают пасхальную трапезу. Употреблявшиеся за этой трапезой продукты специально не называются – кроме ритуальной пасхальной *мацы* (пресный хлеб) и вина. Тем не менее мы можем предполагать, каков был состав трапезы, исходя из нашего знания о пасхальных трапезах первого века. Эти трапезы включали мясо ягненка (или козленка), а также *мацу* (опресноки), горькие травы, фрукты (финики или инжир), орехи, вино, разнообразные овощи, чечевичную похлебку. Стоит ли подчеркивать, что вся эта пища была кошерной?..

В Ин. 6:5–13 описывается случай, когда Иешуа накормил небольшим количеством пищи большое собрание. В частности, мы читаем:

Здесь есть у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого множества? ... Иисус, взяв хлебы и воздав благодарение, роздал ученикам, а ученики возлежавшим, также и рыбы, сколько кто хотел (стт. 9, 11).

Здесь Иешуа раздает пищу людям, которые слушают его проповедь. Эта пища состоит из хлеба и рыбы. В тексте этого не говорится, но мы можем быть уверены, что мальчик в ст. 9 был иудеем, а следовательно, у него могла быть только кошерная рыба. Таким образом, Иешуа кормит собрание слушателей кошерной рыбой и хлебом.

Похожий случай описан в Мк. 8:1–9, где Иешуа снова умножает пищу, чтобы накормить своих слушателей. В тексте говорится, что эти хлеб и рыбу ели все присутствующие:

Тогда велел народу возлечь на землю; и, взяв семь хлебов и воздав благодарение, преломил и дал ученикам Своим, чтобы они раздали; и они

раздали народу. Было у них и немного рыбок: благословив, Он велел раздать и их (стт. 6–7).

Мы можем заключить, что эти хлеб и рыба соответствовали его требованиям к пище, а значит, были кошерными.

Когда же вышли на землю, видят разложенный огонь и на нем лежащую рыбу и хлеб ... Иисус говорит им: «Придите, пообедайте». Из учеников же никто не смел спросить Его: «Кто Ты?», зная, что это Господь. Иисус приходит, берет хлеб и дает им, также и рыбу (Ин. 1:9, 12–13).

В этих стихах говорится, что Йешуа и некоторые из его ближайших учеников разделяли трапезу на берегу Галилейского моря. На этот раз Йешуа сам приготовил трапезу для своих учеников. Совершенно логично ожидать, что он приготовил кошерную рыбу, а вся трапеза состояла из рыбы и хлеба. Мендель Нан в своей работе «Галилейское море и галилейские рыбаки в Новом Завете» определяет разновидности рыбы, которую ловили в Галилейском море в новозаветные времена, именно там, где происходит действие Ин. 21:9–13. Нан описывает и кошерные, и некошерные виды. В числе кошерных он называет пять видов амнона (евр.

אמנון

<амнон>, представители этого вида широко известны как «рыба св. Петра»), три вида семейства карповых и сардины, – все это широко распространенная в древности пища, и вся она кошерна. Придерживаясь установлений Торы, Йешуа должен был готовить кошерную рыбу для трапезы, описанной в 21-й гл. Евангелия от Иоанна.

В ряде других случаев Йешуа говорит о пище для того, чтобы проиллюстрировать свою мысль. Было бы важно отметить, что именно он упоминает как пищу.

Еще подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и, сев, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон. Так будет при кончине века: изыдут Ангелы, и отделят злых из среды праведных (Мф. 13:47–49).

Зачем бы рыбак, герой этой притчи, стал выбрасывать часть своего улова? С точки зрения логики, это возможно, если часть рыбы была мелкой или больной. Но очевидно, что большая часть рыбы была выброшена вон, потому что не была кошерной (не удовлетворяла требованиям, изложенным в Лев. 11, не имея чешуи и плавников). Галилеяне прекрасно понимали такие примеры. Они хорошо знали разные виды рыбы, которую ежедневно вылавливали в Галилейском море. Некоторые из них были кошерными, а некоторые нет. В этой притче люди уподобляются рыбам. Кто-то окажется «кошерным» (годным) для Царства Божьего, точно так же как какая-то рыба окажется подходящей для

стола; кто-то окажется «некошерным» для Царства Божьего, как какая-то рыба – негодной в пищу. Прибегая к такого рода иллюстрации, Йешуа, очевидно, хорошо понимает правила *кашрута* и со вниманием относится к ним. В противном случае он не воспользовался бы ими как инструментом для проповеди Царства Божьего.

Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею? (Мф. 7:9–10).

Для Йешуа и его слушателей в первом веке хлеб и рыба были основной пищей. Рыба должна была быть кошерной (согласно гл. 11 Книги Левит), а хлеб не содержать некошерных составляющих. Йешуа говорит о хлебе в еще как минимум двух притчах. Давая своим ученикам образец молитвы, которая была бы действенной и угодной Богу, он учит их просить: «Хлеб наш насущный дай нам на сей день» (Мф. 6:11).

Хотя кто-то может возразить, что хлеб является символом пищи вообще, именно этот вид пищи Йешуа упоминает в молитве к Богу. Использование хлеба для обозначения пищи как таковой согласуется с использованием хлеба как основного продукта питания на всем древнем Ближнем Востоке. Наставляя своих учеников молиться таким образом, Йешуа вторит словам Притч. 30:8: «Питай меня насущным хлебом».

Важнейший пример, когда Йешуа использует хлеб для обозначения пищи, – это его наставление ученикам просить Бога о повседневной пище. Это иллюстрировало реальность: хлеб был действительно важнейшей повседневной пищей.

Речения Йешуа и кашрут

Речения Йешуа подчас понимали в ложном смысле, как будто бы они подвергали сомнению действительность правил *кашрута*. Так, неверное понимание его слов в Мф. 15:11–20 связано именно с этим.

Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека. ... Еще ли не понимаете, что все, входящее в уста, проходит в чрево и извергается вон? А исходящее из уст – из сердца исходит; сие оскверняет человека. Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления. Это оскверняет человека; а есть неумытыми руками – не оскверняет человека.

В этих стихах Йешуа вовсе не отрицает действительность *кашрута*. Это противоречило бы его словам в Мф. 5:17–18, где он говорит, что не пришел нарушить Закон. Вместо этого Йешуа учит о неверном понимании,

נטילת ידיים

<нэтилат йадайим> (ритуального омовения рук перед трапезой). Члены той группировки фарисеев, о которых говорит этот текст, всегда исполняли обряд омовения рук перед каждой едой, поскольку они были убеждены, что тот, кто не делает этого по их особому методу, становится ритуально оскверненным. Поэтому Йешуа говорит, что «есть неумытыми руками не оскверняет человека». Иными словами, не совершая церемонии омовения рук по обряду этой группы фарисеев первого века, человек не становится нечистым перед Богом, а тем самым ритуальное очищение не является обязательным. В Мф. 15:1–2 описывается контекст этого случая:

Тогда приходят к Иисусу Иерусалимские книжники и фарисеи и говорят: зачем ученики Твои претупают предание старцев? ибо не умывают рук своих, когда едят хлеб.

Точно определить, какая это была группа фарисеев и книжников, очень трудно. Однако они тщательно выполняли ритуал «нэтилат йадай-им» перед едой (это очень похоже на сегодняшних ортодоксальных иудеев). Очевидно, что, как и сегодня, этот обычай вовсе не был повсеместной практикой. По крайней мере мы видим, что он был не так широко распространен среди галилейских иудеев. В Мф. 15:2 говорится о некоем «предании старцев». Греческое

παράδοσις τῶν πρεσβυτέρων

<парадосис тон пресбютерон> отражает еврейское понятие

מורתי האבות

<масортэй ха-авот> («предания отцов»), в отличие от заповеданной в Торе *мицви*. Это понятие обозначает традиции, относящиеся к соблюдению тех или иных *мицвот* и не обязательно имеющие источником Тору.

Указанная группа обвиняла Йешуа в нарушении фарисейского предания о *нэтилат йадайим* и интересовалась его отношением к этому «преданию старцев». Они были убеждены, что Йешуа учил своих учеников неправильно, потому что не указывал им исполнять *мицву* именно таким образом, как это было принято у данной ветви фарисейства. Это означало, что Йешуа не признавал авторитета традиций (или «предания старцев») этой группы фарисеев. Разногласия с этим крылом иудаизма имели для Йешуа политические последствия. Отвечая своим обвинителям, Йешуа обвинил их в пренебрежении куда более важными вещами. Он учил своих учеников тому, что, в конечном счете, пища и сопровождающие ее принятие ритуалы не делают человека чистым или нечистым перед Богом. Вместо подробностей ритуала он призывал своих учеников обращать внимание на мысли и намерения своего сердца, которые и делают человека чистым или нечистым перед Богом. Прежде чем

делать заключение о якобы произведенной Иешуа отмене *кашрута*, мы должны понять, что сам он, уважая и исполняя Тору, счел предписания 11-й гл. Книги Левит вполне удовлетворительным определением как пригодных, так и непригодных ко вкушению видов пищи.

Нужно определить, о чем говорит Иешуа в Мф. 15:11. Чтобы иудей первого века не осквернился, пища должна была быть кошерной согласно определению 11-й гл. книги Левит. Если бы иудей стал есть некошерную пищу, это осквернило бы его (также см. Мф. 15:19). Одним словом, Иешуа учил о том, что когда иудей ест кошерную пищу, не совершая при этом обряда *нэтилат йадайим*, он не оскверняется. Далее он показывал, что именно действительно оскверняет человека. Это учение никоим образом не отменяет правил *кашрута*, но, по сути, подчеркивает их значение как части Торы – если только мы понимаем под пищей всё, что разрешено в 11-й гл. книги Левит. Именно такого мнения, судя по всему, держался Иешуа.

Книга Шафрая и Штерна «Еврейский народ в первом столетии»^[24] помогает нам понять, как питались члены иудейских общин Израиля в первом веке. В качестве основных видов пищи называются овощи и рыба, а также хлеб, масло, вино, приправы и разнообразные фрукты – все это было кошерным. Чечевичная похлебка и соус также были весьма популярной пищей. Конечно, более состоятельные люди могли позволить себе больше мясных продуктов, тогда как люди победнее ели меньше мяса и больше овощей и злаков. Мед и овощи также производились в те времена в земле Израиля.

В новозаветных писаниях мы читаем о том, что Иешуа ест все перечисленные продукты. Можно не сомневаться, что вся эта пища была кошерной.

Заключение

Иешуа соблюдал правила *кашрута*. В Новом Завете это специально нигде не подчеркивается, потому что тогдашним читателям такой вопрос даже не приходил в голову. Мы можем с уверенностью говорить о соблюдении Иешуа установлений о питании, если обратим внимание на упоминания пищи в евангельских повествованиях. Каждый человек в иудейской общине Израиля в нормальном случае придерживался правил *кашрута*, установленных в 11-й гл. Книги Левит. В евангелиях нет ни одного случая, чтобы Иешуа ел некошерную пищу. Мы видим, как он ест хлеб, рыбу, фрукты, пьет воду и вино – все это было основной кошерной пищей в Израиле первого века. Израиль всегда был известен семью основными продуктами, в которых не было недостатка: это финики, инжир, оливки, пшеница, ячмень, виноград и гранат. Не имея на то прямых указаний, мы все же вполне можем предполагать, что Иешуа (вместе со

всем еврейским народом того времени) употреблял в пищу все эти продукты. В том единственном эпизоде, в Мф. 8:28–34, когда Иешуа встречает свиней (а свинья – некошерное животное), у нас нет никаких оснований предполагать, что он считает их пригодными в пищу.

В конечном счете, не будем забывать, что правила, которых придерживался Иешуа в связи с питанием, не должны были бы противоречить его учению. Я вновь отсылаю читателя к Мф. 5:17–18, где Иешуа говорит также и о необходимости соблюдения правил *кашрута*, поскольку это предписывает Тора.

Соблюдение Иешуа установлений относительно питания является свидетельством исполнения им Торы. Повторим, в Новом Завете это не оговаривается специальным образом, потому что сомнений по этому поводу не возникало. Это не считалось важным при записи исторических рассказов о жизни Иешуа, ибо самой собой разумелось, что Иешуа, как всякий уроженец Израиля в первом веке, соблюдал правила *кашрута*.

24

Safrai and Stern, 746–748.